

— Дворец, что это вы читаете?

Мо Ся, желая сделать Лу Чэньчжану сюрприз, нарочно вернулся во дворец Кайян пораньше. Однако он застал Лу Чэньчжана лежащим на кровати; тот мелко подрагивал и был чем-то увлечен.

Услышав голос Мо Ся, Лу Чэньчжан мгновенно вытянулся в струнку, поспешно сунул под одеяло нечто квадратное, напоминающее книгу, и обернулся, делая вид, будто ничего не произошло:

— А Ся вернулся? Ты купил мне подарок?

Мо Ся пристально посмотрел на него, положил принесенные вещи на стол и с подозрением переспросил:

— Дворец, что это вы читаете?

Лу Чэньчжан явно вел с собой ожесточенную внутреннюю борьбу, но в итоге сдался и достал из-под одеяла книгу, чтобы показать ее Мо Ся.

Мо Ся взял книгу, взглянул на светло-синюю обложку и начертанные в правой части размашистым почерком иероглифы Лунь Юй.

— Тут нет ничего предосудительного, — заметил он. — Зачем же вы ее прятали?

Но стоило ему перевернуть страницу и заглянуть внутрь, как он осекся.

— Дворец, откуда у вас эта книга? — Мо Ся изо всех сил старался сохранить невозмутимое выражение лица, чтобы не показать свою неосведомленность. — Вы и правда умеете удивлять.

В глубине души он лихорадочно успокаивал себя: ничего страшного, ничего, по крайней мере, это не эротические картинки...

Мо Ся подошел к кровати.

Лу Чэньчжан, теребя рукав, прошептал:

— Я дал денег маленькому евнуху, чтобы он пронес ее во дворец.

Встретив скептический взгляд Мо Ся, будто говорящий продолжай выдумывать, Лу Чэньчжан добавил:

— Правда, А Ся, поверь мне. Я попросил его принести мне из города всяких разных книг, сам не знал, что среди них окажется такое. Сначала не понял, а потом начал читать — и так

увлекся, что...

Мо Ся прекрасно знал своего принца. Хотя Лу Чэньчжан начал учиться поздно, он был невероятно прилежен. Как такой человек мог добровольно просить кого-то купить ему подобное чтиво? Скорее всего, он даже не знал, что это такое.

Мо Ся мельком глянул на страницу: там описывалась пошлая история о том, как девица легкого поведения встретила студента, ехавшего на экзамены, и они поклялись друг другу в вечной любви.

Он не был против подобных книг, но в возрасте, когда у принца еще даже пушок не пробился, читать о таких любовных утехах — не слишком ли это нелепо?

Заметив его реакцию, Лу Чэньчжан испугался, что Мо Ся рассердился:

— А Ся, тебе не нравится, что я это читаю? Я больше не буду, не злись на меня, пожалуйста, не игнорируй меня.

Мо Ся, внимательно слушавший его, вдруг тяжело вздохнул:

— Но на самом деле, даже в окрестностях столицы многие люди готовы продать своих детей, лишь бы получить мешок зерна, и их семьи распадаются.

Он положил книгу на прикроватный столик.

— Дворец, дело не в том, что такие книги нельзя читать, просто вы еще слишком малы. Если вам не хочется читать каноны и историю, я могу найти вам путевые заметки или другие повести. Подобные же книги стоит отложить на потом, когда вы станете старше.

— Правда? А Ся, ты меня не обманываешь? — Лу Чэньчжан, который до этого был очень подавлен, просиял.

Мо Ся заглянул ему в глаза и серьезно произнес:

— Дворец, члены императорской семьи слишком долго живут в глубине дворца, их глаза ослеплены блеском роскоши. Им достаточно услышать от чиновников хвалебную оду, чтобы поверить, будто в мире царит благоденствие и покой.

Лу Чэньчжан, решив, что Мо Ся все же сердится, схватился за одежду и опустил голову:

— Я просто подумал, что мы, принцы, живем за дворцовыми стенами и совсем не знаем, как живут люди снаружи, словно лягушки на дне колодца.

Мо Ся сел на край кровати и потрепал Лу Чэньчжана по голове:

— Дворец, я не сержусь. Напротив, я очень рад, что у вас такие мысли.

Лу Чэньчжан, немного подумав, продолжил:

— Господин Хэ говорил, что в военном деле нельзя ограничиваться теорией, то же касается и управления страной. Если не знать нужд народа и слепо навязывать свою волю, не получишь поддержки. Поэтому я считаю, что нельзя только и делать, что сидеть в павильоне Минцзянь и слушать лекции наставников. Нужно больше видеть и слышать, чтобы понимать, как выживают простые люди.

Мо Ся был удивлен такой проницательности принца. В его взгляде читалось нечто большее, чем просто слова.

— Дворец, разве вы не сказали только что, что сидеть в павильоне Минцзянь — значит быть близоруким? — продолжил Мо Ся. — Когда-то отец отправлял меня в монастырь, где я жил в бедности и холоде. За пределами столицы я видел слишком много горя. А чиновники в это время заняты лишь борьбой за власть и созданием клик, они давно забыли, ради чего начинали свой путь.

— Дворец, вы даже представить себе не можете, сколько несправедливости творится каждый день. Принцы с детства живут в роскоши и не ведают людских страданий. Для них чужие беды — лишь пустой повод для разговоров, не стоящий внимания.

Атмосфера стала тяжелой. Лу Чэньчжан крепко сжал руку Мо Ся, словно желая передать ему свою поддержку.

Мо Ся невольно улыбнулся:

— Дворец, со мной все в порядке. А вот вы — читали бы книгу, зачем было прятать ее с таким виноватым видом, будто совершили преступление?

Лу Чэньчжан почесал затылок и, сделав вид, что не расслышал вопроса, сменил тему:

— А Ся, что ты думаешь о куртизанках и артистах из домов терпимости?

Мо Ся не ответил, а переадресовал вопрос ему:

— А что вы сами о них думаете?

Лу Чэньчжан скривился, глядя в сторону. Казалось, он относится к ним с глубоким презрением и считает, что даже упоминание их имен унижает его достоинство.

Мо Ся снова вздохнул. Таково было отношение общества к артистам. Их удел — бордели, а конец — завернутое в циновку тело, брошенное в канаву. Счастливым удавалось приглядеться богачу и стать наложницей, чтобы хоть немного устроить свою жизнь. Но

большинство заканчивало свои дни на кладбище для бедняков, где их грызли бродячие псы, и никто не проронил бы над ними ни слезинки.

Казалось, вся несправедливость мира обрушивалась на их плечи. Даже если они отчаянно боролись, этот статус висел на них, как колючий терновник, не давая выбраться из трясины судьбы.

От этих мыслей Мо Ся невольно вспомнил Сян Бо. Чтобы собрать деньги на лекарства для сестры Сян Вэй, тот был вынужден играть на музыкальных инструментах для главных куртизанок на озере Сяньлай. Хотя он жил безбедно, он все же ступил на этот путь, который считался низким. Что ждет его в будущем?

— А Ся? А Ся? — Мо Ся вздрогнул, когда Лу Чэньчжан позвал его. — Я тебя долго звал, а ты молчишь. О чем ты думаешь?

— Я размышлял над вашим вопросом, — медленно произнес Мо Ся. — Дворец, артисты относятся к низшим слоям общества, и мир их отвергает. Но в жизни бывает всякое. Кто-то не выбирает, где родиться. Кто-то вынужден идти на такую работу ради куска хлеба. А кто-то с рождения клеймен как раб, и у них нет шанса подняться. Разве это был их выбор?

— Талантливые люди оказываются ограничены своим происхождением. О них говорят: сами виноваты, мол, им и место в пыли. Но если бы у них был другой путь, кто бы захотел терпеть такое унижение? Они тоже люди, и они тоже жаждут уважения.

Для Лу Чэньчжана артисты всегда были ничтожествами. Знатные господа относились к ним как к домашним питомцам: хотели — ласкали, не хотели — били. В их глазах артисты даже людьми не считались.

Это был первый раз, когда он услышал, чтобы кто-то заступился за них, заявив, что они тоже заслуживают уважения.

— Вот оно что... — пробормотал Лу Чэньчжан.

— Что вы сказали? — не расслышал Мо Ся.

— Ничего, — ответил принц.

Мо Ся взглянул на небо:

— Уже поздно. Что вы хотите на ужин? Я приготовлю.

Лу Чэньчжан, который обычно обожал эти слова, сегодня был не в духе:

— Все равно, приготовь что-нибудь на свой вкус.

Мо Ся удивился, но не стал расспрашивать. Он встал и убрал книгу на верхнюю полку.

— Хорошо. Тогда сегодня я приготовлю свинину с вишней, жареных перепелок, легкий салат из сезонных овощей, а на десерт — суп из куриной кожи с кислыми побегами бамбука. Как вам?

— Отлично, пусть будет по-твоему, — кивнул Лу Чэньчжан.

Мо Ся вышел из комнаты и увидел А-Сы, который все это время дежурил у дверей. Тот поклонился, выказывая предельную покорность. Мо Ся замер, хотел что-то сказать, но в итоге промолчал и направился на кухню.

— Дворец, вы снова идете во дворец Баоцуй? — Мо Ся сидел за столом, изучая военный трактат и делая пометки к предстоящим занятиям, когда заметил, что Лу Чэньчжан уже полностью оделся и собирается уходить.

Немного подумав, он понял, куда тот направляется. Лу Чэньчжан молча кивнул.

Мо Ся, не задавая лишних вопросов, улыбнулся:

— Возвращайтесь пораньше.

Заметив, что А-Сы следует за принцем, Мо Ся вдруг добавил:

— Дворец, не могли бы вы оставить А-Сы здесь?

Лу Чэньчжан без колебаний кивнул:

— А-Сы, не нужно идти за мной. Остайся во дворце Кайян и выполняй поручения А Ся.

А-Сы поднял голову, его губы дрогнули, словно он хотел возразить, но в итоге он ответил:

— Слушаюсь, господин.

Мо Ся с улыбкой посмотрел на А-Сы, который стоял в паре метров от него:

— А-Сы, чего ты встал так далеко? Я же не кусаюсь.

А-Сы молча подошел и остановился у стола:

— Что прикажете, молодой господин Мо?

Мо Ся внимательно осмотрел его. Раньше он всегда видел в А-Сы обычного евнуха, но сегодня, присмотревшись, обнаружил, что тот обладает благородной осанкой и стальным характером. Даже в поношенной одежде евнуха невозможно было скрыть скрытую в нем решимость и высокие амбиции.

Чем больше Мо Ся смотрел на него, тем больше тот напоминал ему одного человека. У него возникла странная догадка, и он выпалил:

— А-Сы, ты знаком с Ду Фэнсю?

<http://bllate.org/book/18648/1797215>